

www.cirkolimp-tv.ru

поэтическая
серия

Нене Гиоргадзе

Нецифровая

ПАМЯТЬ

снега

Самара 2019

ББК 84-5

УДК 82-1

Г 49

Г 49 ГИОРГАДЗЕ Нене

Нецифровая память снега: стихи. /

Перевод с грузинского А. Сен-Сенькова, И. Кулишовой /

Предисловие Сергея Тимофеева –

Самара: Цирк Олимп+TV, 2019 – 74 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV»

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва)

Владимир Друк (Нью-Йорк)

Ежи Чех (Познань)

Владимир Тучков (Москва)

Николай Байтов (Москва)

Дмитрий Веденяпин (Москва)

Света Литвак (Москва)

Александр Макаров-Кротков (Москва)

Илья Кукулин (Москва)

Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Сергей Лейбград

Виталий Лехциер

Ирина Саморукова

Ирина Тартаковская

Куратор выпуска:

Виталий Лехциер

Фотография автора на клапане

и фотография на обложке

из личного архива автора

ISBN 978-5-6043364-4-1

© Нене Гиоргадзе, 2019

© Сергей Тимофеев, предисловие, 2019

© Цирк Олимп+TV, 2019

У этой книги вместо предисловия мог бы быть маленький загородный дом, где в саду, за кустами проводит дни заброшенный с соседнего участка футбольный мяч

Молодая продащица в лавке деликатесов на городском базаре больше всего обожает продавать оливки на развес. Она выуживает их из банки осторожно и уверенно, как шарики фактов чьей-то жизни. Нене Гиоргадзе – из Грузии, но долгое время жила в Америке, а потом перебралась в Санкт-Петербург. Как ни странно, смены реалий не так уж отразились в её текстах – здесь вообще нет ни одного конкретного географического названия. И в то же время этот мир вполне узнаваемый и тёплый. А иногда – острый, изменчивый, зависающий над границей казалось бы невозможного. Вот ровно как здесь:

«Никогда не думал о мести,
двадцать лет вместе, а растянутая резинка времени
порвалась за секунду», –
отвечает мужчина тихим голосом.

(«На грани»)

Двое стоят у стены и рассматривают рисунки, оставленные начинающими студентами Академии художеств вперемешку с поклонниками жёсткого хип-хопа. Нене пишет прозу (вышла книга) и поэзию, которую публикует в самых разных изданиях в США, Западной Европе, Грузии и России. Она переводит поэзию на грузинский, а также на английский и русский. Вот и мы познакомились, кажется, благодаря вывешенному в ФБ её стихотворению «Перевод», которое и мне захотелось перевести, и оно единственное здесь опубликовано в нашей общей версии с Андреем Сен-Сеньковым. Все мы – цепочка переводов друг друга, переложений заново мигрирующих сюжетов и мифов, пересказов заново всех этих путешествующих сквозь нас дней и ночей. Нене в этом тексте сообщает нам и такую вещь, что:

Из-за того, что города и люди переводят друг друга
с помощью трения, как во время секса,
их блокируют на фейсбуке
по закону о запрещённой риторике.

(«Перевод»)

Красная машина заезжает в выкрашенные ярко-синей краской ворота. Ворота медленно автоматически закрываются, с глухим стуком в конце. У этой книги две части и два переводчика. Не только живущий и пишущий в Москве Андрей Сен-Сеньков, но и пишущая по-русски жительница Тбилиси Инна Кулишова. Если эта книга – дом, то в него ведут два входа, мужской и женский. При этом женская оптика, женское видение здесь неизмеримо важны, в обеих частях сборника. Различие между ними скорее стилистического порядка, в количестве деталей и в манере их построения на оси видения неизвестного наблюдателя. В то же время бинарное гендерное разделение распространяется в вещах Нене не только на мир людей. Вот и для фотобумаги это важная и даже драматическая оппозиция:

Глянцевая и матовая фотобумага
влюблены друг в друга.
У них нет ничего общего,
скорее, наоборот, их характерные свойства –
включая гендерные – абсолютно различны.
В то время как женская матовая бумага
поглощает свет,
мужской глянец отражает его.
Они никогда не пересекаются.
(«Фотобумаги»)

Проходя мимо цветочных рядов неподалеку от известного городского парка, мужчина в чёрной кепке вдруг щёлкает пальцами, останавливается, а потом решительно меняет направление и начинает двигаться в противоположную сторону. В этой книге вообще много драмы или фантазий о драме. Эти фантазии выстраиваются в логические цепочки, уходящие как будто за угол улицы, а когда вы их догоняете, всё уже возвращается к реальности, потому что тут каждое мгновение – в роли суперзвезды, от него зависит всё и вся:

Быстро выхватываю из воды малютку,
с его пушистого полотенца
осыпаются лепестки душистых роз...
Меня в этой жизни не раз выручало мгновение.
(«Купание»)

Женщина в кафе читает книгу о киноискусстве XX века. Потом хлопывает её на середине и громко произносит: «Глупости!» Здесь есть и стихотворения-фильмы. Одна из самых пронзительных таких вещей – история о Полине и её цветных карандашах. И ты понимаешь, как важно, что эта история стала текстом, как она бродила в авторе, как высказывание обретало форму категоричного заклинания в конце стихотворения. А то ведь, как считает Нене Гиоргадзе, в невысказанности, «в одиночестве слово начинает пить/ и может превратиться в алкоголика». Здесь же со словами всё в порядке, они ведут свою жизнь с толком, стоят на своих местах, а в трудную минуту стучатся не только в закрытые двери. Это цельный и уверенный в своём смысле мир, где даже есть свои прогнозы погоды. И вот они-то как раз, может быть, даже сбываются:

Ночью синоптики-абзацы
 обещают повышение температуры
 на всей территории текста.
 («Прогноз погоды»)

Дети выходят из школы и тут же забывают всё, что они должны сделать и приготовить на завтра. По крайней мере, до вечера это забвение не нарушит никто. Если вы держите эту книгу в руках, значит, она состоялась, смело забывайте это предисловие, которого в общем-то вполне могло здесь не быть. Эти тексты разговорчивы и готовы к контакту. Их не обязательно называть по именам и считать в них количество прилагательных или метафор. Главное – доверие и интерес. Ведь согласитесь, что:

Лучшая мысль – та, что не озвучена.
 Самое настоящее таинство происходит,
 когда ты не смотришь и не трогаешь.
 («Перевод»)

Пять молодых собак бегут по полю вдаль наперегонки в сторону заходящего солнца. Проезжающий мимо велосипедист останавливается, смотрит на них, и как будто чего-то ждёт.

Сергей Тимофеев

Мужчина с этикетки шампуня

*авторизованный перевод
с грузинского
Андрея Сен-Сенькова*

Шрифт

Нецифровая память снега
хранит каждый след,
каждую точку пересечения или несовпадения,
каждую траекторию.
Тая, снег передаёт файлы земле –
своему персональному компьютеру.
Земля обрабатывает поток информации
и ждёт нужного момента,
чтобы выгодно продать всё это воздуху.
А воздух чувствует, откуда дует ветер,
и действует гибко.
Когда акции земли падают до минимума,
ветер выкрикивает на торгах последнюю цену.
Слишком дешёво продаётся
каждый след,
каждая точка пересечения или несовпадения,
каждая траектория,
которые нецифровая память снега
набрала шрифтом «снежинка».

Рана

Возьми ключ,
открой дверь и войди в рану.
Можешь лечь на диван и отдохнуть,
или зайти в кухню, если голоден.
Хочешь, выйду погуляю, чтобы не мешать тебе,
Хочешь, приготовлю обед, включу музыку,
задвину шторы.
Не забывай: рана глубокая, долго заживает.
Если лизнёшь, заскулит как собака
или замыкает как кошка.
Ещё мы можем поиграть в доктора
при одном условии: не слишком вживайся в образ,
не дай мне почувствовать, что рана настоящая,
помни, что любая рана – дверь, открытая или закрытая.
А ключ у тебя в руках.

Фотобумаги

Глянцевая и матовая фотобумага влюблены друг в друга.
У них нет ничего общего,
скорее, наоборот, их характерные свойства –
включая гендерные – абсолютно различны.
В то время как женская матовая бумага поглощает свет,
мужской глянец отражает его.
Они никогда не пересекаются.
Их трудно увидеть в одном и том же семейном альбоме.
Каждый заказывающий печать знает,
какой тип бумаги выбрать,
и никогда не путает матовую с глянцевой.
Похоже, у них просто нет никаких шансов,
тем не менее, они влюблены
и постоянно навещают миры друг друга в своих мыслях.
«Мы – единственная реальность в вашем мираже».
Да, вот что они утверждают, к нашему удивлению.

Перевод*

1.

Я достаю золотой ключик и вставляю его в замок.
Дома никого. Хозяйка, скорее всего, только что вышла –
на кухне замечательно пахнет.
Разрезанные на кусочки ингредиенты оставлены в мисках,
как будто обед ещё не готов.
Я наливаю немного супа из кастрюли и пробую его.
Теперь понятно: с первым – полный порядок,
значит, пора приготовить второе.
Закатываю рукава и смешиваю разноцветные кусочки вместе.
Настоящее эстетическое удовольствие – этот процесс.
Соль и перец по вкусу.
Оставляю приготовленное в кастрюле и убираю на кухне.
Запах – самая важная часть любого обеда.
Лучшая мысль – та, что не озвучена.
Самое настоящее таинство происходит,
когда ты не смотришь и не трогаешь.

---

* Перевод Сергея Тимофеева и Андрея Сен-Сенькова

2.

Книги размером с компьютерную клавишу
живут под кожей.

Если коснуться их прямо посередине,
книги раскрываются и из них начинает идти звук –
морзянка дождя.

Магнитные волны, которые переводят
радость качелей на детской площадке,
получают престижный приз в номинации «За мир».

Пианист переводит с помощью пальцев,
исцарапав внутри рояля тонкие и толстые ветви деревьев.
Чёрно-белая клавиатура – ствол.
Мягкие молоточки стучат по нему, пока идёт перевод
на язык, что понятен нашим ушам.

Из-за того, что города и люди переводят друг друга
с помощью трения, как во время секса,
их блокируют на фейсбуке
по закону о запрещённой риторике.

Дети переводят Бога, который затаился
в изысканной коробке сладостей.

Я перевожу особый оттенок страха.
Наподобие жвачки, во время перевода
он растягивается, потом истончается и рвётся.

Мужчина с этикетки шампуня

Принимая душ, она внезапно
замечает улыбку страстного юноши.
«Он словно настоящий, а не нарисован на пластмассе,
и смотрит с вождением...»
Думает, разглядывая свою морщинистую кожу.
Ее муж пользовался этим шампунем до самой смерти.
«Удивительно, почему я раньше не обращала внимания,
наверное, у него ещё и мускулистое тело».
Женщина стоит под душем с закрытыми глазами
и трёт свою увядшую грудь.

Она одержима этим мужчиной на бутылочке
с шампунем. Голая она идёт в постель, думает о нём,
прикасясь к своим стареющим гениталиям.
Перед тем как выйти из дома, осторожно наносит помаду
на губы и долго расчёсывает крашенные рыжие волосы.

Однажды к ней приходит старая подруга.
Они садятся в удобные кресла, попивают вино.
Прищурившись, подруга спрашивает,
а в чём секрет, почему она так помолодела.
«Значит, юноша красив? И великолепен в постели?
Плохо, что у тебя нет его фотографий».

Когда шампунь заканчивается, она отправляется в магазин, словно на свидание. Улыбается ему, тихо здоровается и осторожно прикасается. Расплатившись за покупки, нежно кладет шампунь в сумку. Не выбрасывает пустые бутылочки, складывая их в коробку, а самую первую держит под подушкой.

Однажды она увидела, что лицо на бутылочке стало другим. «Что-то случилось!» Её сердце застучало. Она сразу же бросилась домой, нашла в интернете телефон компании, производящей шампунь, и позвонила. Она путано сказала взявшей трубку девушке, чтобы объяснили, что случилось с мужчиной, который долгое время был на этикетке с шампунем. Девушка попросила подождать. Женщина напрасно провела вечер у телефона и сделала вывод – что-то случилось.

На следующий день женщина снова оделась в чёрное. Она больше не пользовалась губной помадой и не красила волосы, а глаза её потеряли блеск. Очень быстро она состарилась вновь. Мужчина с этикетки шампуня больше не лежал под подушкой, а стоял возле фотографии умершего мужа.

Замочек

Грузовики, доставляющие товары,
ездят, в основном, по ночам.
Они развозят всевозможные грузы: еду,
стройматериалы, бытовую технику и т. д.
Когда не за руль, водители
остаются дома и, по возможности,
удовлетворяют сексуальные и другие потребности.
Пьют виски, матерятся и
стараятся поменьше думать о любовниках своих жён.
Пот на их крепких, загорелых, мускулистых руках
словно кипяченая вода.
Эти водители ничем не отличаются от других,
если бы не невидимая татуировка замочка на их лице –
им никогда не говорят, какие грузы они развозят.

Заговор

Когда войну внезапно сменяет тишина,
готовится самый отвратительный заговор.
Один за другим генералы, капитаны и лейтенанты
направляются к огромному котлу, стоящему на огне,
и бросают в него нужные слова.
Котёл нагревается. Горячие слова сочатся,
приближается время кипения.
Вскоре слова становятся однородной жидкостью,
от кипения которой идёт пар – и заговор готов.
Спецоперация может начаться с обычного выстрела
или, благодаря современным технологиям,
без какого-либо шума.
Кровь больше не попадает в категорию спецэффектов,
она, скорее, свойство фотографии,
как очередной, но необязательный элемент декораций.

Правила движения

Слова сидят в маленьких навороченных машинках
и едут то быстрее, то медленнее.
Улицы то широкие, то узкие,
то односторонние, то двусторонние.
Слова крутят маленькие колёсики,
улыбаются или хмурятся друг другу на перекрестках.
Если кто-то из них нарушает правила движения,
его отправляют в тёмную клетку.
В одиночестве слово начинает пить
и может превратиться в алкоголика.
Те, кто подчиняются правилам,
не бывают одиноки.
Они всегда останавливаются на красный свет.

Ультра-поэтические звуки

*Андрею Сен-Сенькову,
поэту, радиологу*

По телу скользит датчик, наполненный ультразвуками.
Если звуки находят необходимый синтаксис,
им удаётся преодолеть чувствительный барьер кожи.
Этот процесс напоминает пение,
когда написанный текст оживает
и заполняет пространство, или это напоминает
ветерок, который не увидишь, если нет деревьев.
Как усердные фотоаппараты,
ультразвуки используют свет и тень,
тона и полутона,
печатают образы из глубин тела,
те, что недоступны нашим глазам.
Появляется запись,
где вместо стандартных показателей можно прочесть,
как ультразвуки вибрируют
наблюдая за нашими органами,
насколько сильны у них
точечные вспышки сопротивления

Радио

Знаешь, в чём моя проблема? Не могу разговаривать по телефону с близкими людьми. Мы разбросаны не только по разным городам, но и по разным странам-континентам, и когда тут день, там – ночь, и, если даже находится время, когда можно по-человечески поговорить, оказывается, что как минимум один из нас опутан сетью каждодневной рутины, и поговорить не удаётся. В общем, мы совершенно не попадаем в ногу со временем и пространством. Печатать же текстовые сообщения я устала. Хочу услышать голос, поймать интонацию, а эти проклятые письменные слова – одежда, которая скрывает чаемую наготу. Мне нужны голые звуки, их кожа своей текстурой и рисунком расскажет мне больше, чем одежда лучшего дизайна. Ебаная культура! Форма выпотрошила, убила содержание. Пустота завёрнута в нее, как нечто драгоценное. Хочу только голос услышать, даже не волнуюсь о том, что не могу никого видеть. Уже и не хочу видеть. Опять одежда... опять дизайн... А мне нужен дерзкий и голый звук.

Тени ангелов

Текст-группе «Орбита»

В рижских творческих кругах хорошо знают поэтическую группу из четырёх артистов с космическим названием «Орбита». Один из их поэтических перформансов называется *Slow Show*.

Примерно 20 старинных радиоприёмников с помощью длинных антенн на разных радиоволнах ловят голоса ( ) слова ( ) шум ( ) шипение ( )
На фоне этих радиоволн каждый из участников «Орбиты» по очереди читает свои тексты.

Slow Show показывают на фестивалях в разных странах. Четыре поэта путешествуют из аэропорта в аэропорт с чемоданами, набитыми старинными радиоприёмниками. Сканируя их, служба охраны аэропорта теряет: вроде никто из них не похож на террориста, и в бесконечных лабиринтах интернета не странствуют их призраки.

«Зачем вам это нужно?» – спрашивают пограничники, перелистывая страницы паспортов.

«Орбита» отвечает.

Это их самый крутой перформанс,
но люди в униформе не знают об этом.

А крылатые радиоволны беспрепятственно пересекают границы, направляясь к антеннам радиоприёмников, смешиваясь с голосами «Орбиты», как с тенями ангелов.

На грани

Мужчина осторожно открывает кран.
Вместо воды идёт пар
(«Может, это душа жены», – думает он).
Замечает длинный волосок.
Он не может ошибаться – у жены
были рыжие волнистые волосы с необычным запахом.
Мужчина пытается отмыть руки от крови.
«Почему ты убил меня?», – спрашивает она, – «Почему?»
«Никогда не думал о мести,
двадцать лет вместе, а растянутая резинка времени
порвалась за секунду», –
отвечает мужчина тихим голосом.

Вода бежит в ванной.
Мужчина, застыв, пялится на кран.
«Что ты так долго?», – спрашивает она.
«Пытаюсь помыть руки», – отвечает он,
глядя на рыжий волосок жены.
«Давай поторапливайся, мы опаздываем», –
говорит она и нежно смотрит на него.
«Сколько лет мы женаты?», – спрашивает муж, –
«Ивану 17, добавим три года – выходит, 20» –
быстро считает она, и её необычный запах исчезает.

Женщина:
«Я никогда не любила выходные, уборку,
походы по магазинам, привычные ужины
с общими друзьями,
болтовню и прочую ненужную суету...
Но после того, как меня убил муж, всё изменилось.
Словно я сижу напротив него, он говорит со мной часами.
Он бросил любовницу и теперь ходит
к моему любовнику выпивать.
Но его интересую только я,
он задает вопросы о сексе, моих вкусах,
моих предпочтениях...
Кажется, они подружились.
Муж говорит, что заново открывает меня.
Может, он просто стареет».

Лифчики

Он коллекционировал женские груди.
Когда надоедало ласкать бюст,
просил, чтобы ему на память оставили лифчик,
и он вешал его на стену, как картину.
В его квартире была целая выставка:
на лифчиках разных размеров, форм и цветов,
наполненных ватой, крошечными буквами
были написаны имена.
Но бюстгальтеры не имели ни сосков,
ни волшебных розовых ареолов вокруг.
Он хотел фотографировать груди,
но женщины редко позволяли ему.
Однажды ему приснилось,
что он женился на лифчике.
Они шли вместе на улице,
сидели бок о бок в машине,
спали в обнимку.
Когда проснулся, он вспомнил, как
лизал грудь молодой женщины,
только что ставшей матерью,
как кончиком языка пробовал вкус молока.
Для него это было первое грудное молоко.

Менструация

Ж...

Я прячусь под одеяло,
лица не видно, одни ноздри.
Руки держу на опустевшем животе.
Словно комарики, по комнате летают мои мысли.

Же...

Покрасила ногти красным,
высушила, подув на растопыренные пальцы.
Мысли-комарики не оставляют в покое;
один вот сел на мое голое плечо.
Я быстренько его прихлопываю, затем другого...
Красные крапинки на теле.

Жес...

Вселенная горизонтальна.
Я в океане, словно на поверхности зеркала.
Покачиваюсь... Океан – моя колыбель.
Через девять месяцев мог бы родиться малыш.
Покачиваюсь...

Жесто...

Каждое утро я покидаю воды своего сновидения,
а весь оставшийся день обсыхаю.
Минуты мерцают как полицейские мигалки,
они окружают меня, направляя оружие в лоб.
«Пожалуйста не стреляйте!» – хочу попросить я,
но ничего не говорю.

Жестоко

Магнит

Это такая игра:
искать тебя с завязанными глазами, вытянув вперед руки.
Законы физики здесь не работают:
углы забавно искривлены, и на их острых концах
сверкают драгоценные камни.
Крыши подбрасывают дома в небо. Стены
покрыты зелеными полями. Улицы
полны фламинго, став мягкими,
словно шёлк. Море теперь там, где было небо,
а звёзды кажутся прибрежной галькой...

Итак, я иду с завязанными глазами,
и магнит в моем теле, как истинный проводник,
безошибочно подсказывает, где свернуть...
Но законы физики здесь тоже обманчивы:
когда приближаюсь,
твой магнит сразу же тебя отодвигает,
так что расстояние и сила притяжения
между нами остаются неизменными,
чтобы игра с завязанными глазами не заканчивалась.

Перевернутый фейерверк

Яркими, быстрыми мазками
фейерверк покроет
молчаливое одиночество холста.

Словно не в небо,
а в глубокую и чёрную как дёготь яму
падают линии:
люди вверху,
а их взгляды снизу
следят за траекторией
танцующего фейерверка.
Вверху – шум,
внизу – рождающаяся в дыму
глухая тишина,
как на войне.

Где-то взрывается фейерверк,
где-то – бомба,
а где-то в тонких пальцах горит
тихая лучинка одиночества.

Воздушный змей

Печаль это воздушный змей с длинным хвостом,
подаренный Богом маленькой девочке.
Она не знает, что по правилам детдома
воздушный змей входит в список запрещенных вещей.
Когда все спят,
девочка, держа змея в руке,
поднимается на холм, где всегда ветрено,
и смотрит на жемчужно-серое море.
Там она может увидеть русалку, которая была её мамой.
Там она может увидеть капитана, который был её папой.
Земля превращается в божью коровку,
и девочка, не боясь, садится в её чёрную кабинку.
Издали они выглядят как яркая комета с хвостом,
летающая к планете Маленького принца.

Картонные коробки

Когда тебя уже не называли ребёнком,
на чердаке дома появились картонные коробки
с надписью «скрипка». В них сломанные
игрушки, рисунки карандашом, акварелью,
пальцами, гербарии, камушки,
линзы фотоаппарата, найденные во дворе,
и другие мелочи, которые не выкинула мама.
От прикосновения смычка к струнам скрипки
рождается звук и расходится волнами.

А в картонных коробках с надписью
«фортепиано» хранятся открытки из школьных
времен, тайные дневники, почтовые марки,
фотки, вырезанные из журналов, магнитики,
острые предметы, пустые флакончики духов
и другие мелочи, которые не выкинула ты.
Звук рождается ещё до прикосновения
Пальцами к клавишам пианино,
а после – тембр взятой нотки не меняется.

Комнаты и находящиеся в них люди
разрисованы чёрно-белыми нотами
для скрип-ки-и-фор-те-пи-а-но.

Скорее всего, картонные коробки
никогда не откроют,
так же, как и дверь дома,
где спрятано детство

Полина

Трехлетняя Полина живёт в детском приюте.
Синими глазами она смотрит на чёрно-белый мир.
Она могла бы его раскрасить,
но в детском приюте нет цветных карандашей.
Полина не знает, что мир несправедлив,
Но это её не беспокоит.
Всех посетителей она просит
о цветных карандашах и альбоме для рисования.
Потенциальные матери обещают,
но никогда не приносят.
Директор детского приюта
сообщает им важную информацию:
у мамы Полины шизофрения.
Не факт, что это правда.
Полина упорно продолжает просить.
Настойчивость Полины важнее маминой шизофрении.
Настойчивость Полины сильнее.
Настойчивость Полины – это и есть судьба Полины.
Проси, Полина, проси карандаши!

Коллекция

- Консервы так же вредны, как и жирное, – сказал муж и положил на стол свежие яблоки.
  - Как я хотела бы познакомиться с Адамом и Евой, записала бы интервью, – будто про себя проговорила жена.
  - И что бы в первую очередь спросила?
  - Если бы первая хулиганка вернулась в райский сад, съела бы она яблоко снова? – ответив, жена добавила пустую банку из-под кока-колы к своей коллекции.
  - Хоть бы марки собирала! А из-за этого проклятого мусора шагу ступить негде! – проворчал муж, посмотрев на длинный ряд пустых банок.
- Пауза растягивалась как резина.
- Вообще-то, законсервированная любовь так же вредна, как жирное счастье, – добавил муж в конце. Жена не верила своим ушам – долгожданные слова! «Оправдала себя моя коллекция! Сегодня же отвезу на завод по переработке отходов», – подумала она.

Вариации на тему

///

Любовь – повторяющийся кадр
с поднесённым к губам
бьющимся прозрачным бокалом
и постоянная перемотка этого кадра
с превращением осколков сна в бокал

///

Любовь – это глубокая затяжка сигаретой,
быстро проникающая
в слепой рай легких,
и проходящая тот же самый путь
только в противоположном направлении

///

Любовь – это турбулентный туннель в небо
с высоким атмосферным давлением.
Когда в него влетает самолёт,
с земли видна только
белая
ровная
тропинка

Спрятанные букеты

Когда пальцы, держащие
сигарету, дрожат сильнее, чем обычно,
и от страха становишься таким маленьким,
что, кажется, даже забытый в углу
плюшевый медвежонок тебя проглотит,

думай, что чья-то невидимая рука
собирает звуки как полевые цветы
и дарит их словам,
а слова прячут их за спиной,
встают вокруг тебя как дети и поют:
«ка-ра-вааай, ка-ра-вааай...»

Тостер

Я – самый жестокий палач ломтиков хлеба.
Перед смертью они рассказывают
о своей жизни, исповедуются мне.
Чего только не услышишь: выясняется,
что они тоже грабят друг друга
и даже убивают.
Когда с обеих сторон подрумянятся,
произносят слова, заточенные как ножи.
И в моменты щелчков-выстрелов
над их горячими телами
в аду кухни ароматно повисают души.

Салат

На столе – кучка моркови.
Натираю морковку.
В кадре меня нет.
Крупным планом:
в пяти пальцах – тёрка,
в пяти пальцах – морковь.
Пальцы и морковь
переплетаются друг с другом
в вертикальной позе.
Вот уже морковь держит терку
и натирает для салата пальцы.
Эротичные красный и морковный.
Запах и вкус горьковато-сладковатые.
Звук – скребущий, как тёрка.

*

Твоя мутная душа
Оседает внутри этого стакана –
песок опускается на дно.
Ты плавный и прозрачный,
как эта жидкость.
Мои следящие водянистые глаза
подсказывают,
что нет ничего волнительного
в этой пресной аморфности.
Тебе не хватает характера,
ты готов рабски подчиниться
форме, в которую предстоит
уместиться, влившись.

Нене Гиоргадзе * Нецифровая память снега

Прогноз погоды

Утром ожидается
переменная облачность предложений
без осадков слов.

В полдень – высокое давление
атмосферных прилагательных,
возможен град знаков препинания.

Вечером – северо-западный троп
усилит метафорическую влажность,
сильные дожди от А до Я.

Ночью синоптики-абзацы
обещают повышение температуры
на всей территории текста.

Грустные песенки

песенка #1

Всё должно быть наоборот:
Цветы сперва засыхают,
потом одеваются в краски,
струны рвутся вначале,
затем околдовывают звучанием,
волосы поседеют,
а потом у них появится цвет...
И если сперва мы потеряем,
а потом найдём друг друга,
то последуем за ветром к той точке,
где попрощались

песенка #2

Комната-иллюминатор.
Пара жёлтых груш.
Бледные слова
завернуты в лепестки роз.
Чёрная тропинка заканчивается
там, где спят звёзды

песенка #3

Чем больше дом,
тем сильнее чувствую, что я одна.
Чем щедрее хозяин,
тем сильнее чувствую, что я одна.
Чем богаче страна,
тем сильнее чувствую, что я одна.
Чем больше люблю тебя...

песенка #4

Неожиданно
твоё имя всплыло
на поверхность памяти,
словно кто-то дал мне пощёчину,
сорвав покрывало с одиночества

песенка #5

Крестики и нолики
соревнуются друг с другом
в квадратной печали
на странице тетрадки в клетку крокодила Гены.
Игра с самим собой имеет преимущество:
проигрываешь, но остаешься в выигрыше, –
громко говорит Гена,
не показывая виду, что обратное тоже верно

песенка #6

Всё в красном.
Холодный огонь.
Горизонтальный дом.
Город – это покачивающийся корабль,
а корабль – бесшумный самолёт,
подобно облаку, бесконечно меняющий очертания...
Моя клавиатура – это река,
упрямо текущая всё в том же направлении –
в город, где ты не теряешься среди миллионов людей,
где небо опускается в глубокую воду,
где луна это рамка
для твоей чёрно-белой фотографии

песенка #7

Печаль – пушистый щенок,
который сидит у девочки на коленях
и лижет ладонь.
«Он пока маленький и очаровательный.
Вырастет, станет злым,
состарится, облезет шерсть...
Знать бы, как выглядит
старая, дряхлая печаль», –
думает женщина

песенка #8

В погремушке прыгают
пластмассовые сердечки
сбежавших с помойки эмбрионов.
Погремушка говорит ребёнку:
не учи язык взрослых,
слушай только то,
что внутри, и то, что не видно

песенка #9

Я вдохнула плотный железный воздух города
и сразу же нырнула назад в мягкость
фосфоресцирующих берегов,
где астронавты ангелы
и планеты с великолепной чешуей
купаются в аморфной воде

песенка #10

На улице Детства стоит дом,
как чёрно-белая фотография
давно умершего человека –
на книжной полке

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ*

*Посвящается детям,
погибшим в Кемерово
в марте 2018 года
в ТЦ «Зимняя вишня»*

когда вишнёвая капелька совсем детской крови
царапает белый цвет,
перекатывается как снежный ком,
набирает вес и 4G-скорость,
становится огромной
и, как с горы, катится прямо на тебя
за запертой узкой дверью
торгового кинозала

у зимней вишни
вместо косточки внутри
детские голоса

---

* Это стихотворение было написано на русском языке

Сад женщины

*авторизованный перевод
с грузинского
Инны Кулишовой*

Светофоры и люди

Люди и светофоры поменялись местами.
По зебре, держась за руки, прогуливаются
мама и сын – светофоры.
Пожилые светофоры медленно семянят,
в отличие от шустрых тинейджеров.
И все разговаривают только на трёх цветах.
Вместо них на перекрёстках подвешены люди,
жилы на их шеях – проводники высокого напряжения,
вопиют они, не жалея глоток: красный свет загорелся, стой!
Красный свет загорелся, стой! И пунцовеют.
Светофоры шарахаются от взвизгов и приходят к мысли,
что они лучше могут исполнить эти обязанности.
Зелёный, зелёный! – клёкотом надрывая грудь,
подвешенные на перекрёстках люди орут. И зеленеют.
Светофоры толпой переходят дорогу
и вспоминают вчерашний сон –
своих светоносных ореолов лучи.
Теперь же, когда их мерцанье ушло,
и на фоне истерических криков
горланящих с напряженными жилами,
город, упавший духом, горюет и кажется всё опаснее...
Жёлтый, внимание! Жёлтый, вперёд!
Внимание! Вперёд! Вперёд! Вперёд!
Снова орёт подвешенный на перекрёстках народ. И желтеет.
Светофоры вспоминают дни,
когда в их тихом мерцании рождалась поэзия
(ну и что, если только трёхцветная).

На электропроводах перекрёстков подвешенные горожане
верещат промёрзшими голосами, силясь перекрыть
улицы трескотню и гвалт, гомон и гул,
чтобы честно исполнить свои светофорские обязанности.
На перекрёстках всюду разогнался
марафон криков и цветосменяемости,
победители будут подвешены в элитных кварталах города,
где предельно высокое напряжение и для его преодоления
необходима лужёная глотка
и жилы покрепче корабельных канатов.
Взамен люди не беспокоятся о коммунальных выплатах
и не заботятся об уладах плотских, как, например,
вечно недостижимый баланс
между сексуальным голодом и насыщением...
Первая и последняя функция людей-светофоров –
менять цвета и голосить как можно энергичнее,
и, подвешенные на перекрёстках над городскими переходами,
они уверены, что контролируют все четыре стороны,
что предположительно указывает на
вертикальное – вниз – направление их взглядов,
А это, в свою очередь, может означать,
что звёздам светофоры пока ещё не нужны.

Аэропорт

Аэропорт – это сборище обезумевших человек,
выписывающих неправильные траектории,
снующих туда-сюда, курящих, молящихся,
теряющихся в экранах компьютеров.
В аэропорту взлетают и садятся чуждые железные птицы,
в брюхе которых зародышами ютятся человеки,
мобильные телефоны – их пуповина,
посредством которой они устанавливают
временный контакт с матерью-землёй, забывая на время
о своём географическом местонахождении в небесах.
Аэропорт – это опиум обезумевших человек,
которые потоком перетекают от освещённых витрин магазинов
в глубоко вздыхающее лёгкое аэропорта,
и от гниющей плоти его исходящий запах
всасывают жадно, как опиум, и видят сны наяву...
И в этих видениях аэропорт – гигантский аквариум,
где, шевеля плавниками, люди
судорожно открывают рты, как рыбы,
и пронзают друг друга опустошенными взглядами...
Аэропорт – это сборище обезумевших человек,
которые вспоминают только
о своём временном географическом положении.

Война

На фоне сверкающих пуль
негатив луны никак не проявится.
Тишина мимолетна.
Снова роется крыса,
наверно, туннель копает.
Разряженное моё ружьё
пот всасывает из ладоней,
будто их жар спасёт от холодной земли.
Железное тело моего ружья
становится телом моей женщины,
теплым, как сентябрьская вода.
Мягко врываюсь в море,
так глубоко, что берег исчезает.

Снайпер

В заряженные от трения голов подушки
смерть откладывает яйца цвета пули,
их под крыльями высиживают куры-генералы,
чтоб снести яйца размером с пулю,
куры-генералы здоровы и трезвы,
учат правилам игры птенцов пулеподобных,
все гайки закручены на фабрике войны,
знают дело свое руки безымянные –
в чётко выверенную долю секунды
палец холодно жмёт на курок,
смерть бессмертна – не убьёшь, не оживишь.

Нене Гиоргадзе * Нецифровая память снега

Убийца

Если не пытался, попробуй:
чем медленнее и глубже входишь в тело жертвы,
тем сильнее оргазм.
Сначала надо в меру возбудиться
и жертву тоже завести,
не протыкай молниеносно кожу ножом,
чтобы не хлынула потоком кровь,
но – мягче, осторожнее.
И вообще, не называй её «жертвой».
Она твоя любовница,
на тысячу и одну ночь шлюха.
Любовь раскрывается на кончике ножа,
от холода железа бросает в дрожь.
В этом случае, страсть станет страхом,
и запах крови не будет чужим,
и цвет –
только один мазок краски,
только один взмах.

Овечка

По ночам я превращаюсь в пропавшую овечку,
которую должны были зарезать и съесть.
Наточив нож, тыходишь в сарай
и начинаешь меня искать.
В полночной лесной тьме
единственный фонарь – твой острый глаз.
На рассвете находишь меня над обрывом,
блеющей, беспомощно качающейся на четырёх ногах.
Приближаешься.
Здесь отвесная скала, мы оба можем рухнуть в пропасть.
Но ты рискуешь, потому что слишком любишь баранину.
С трудом меня волочишь, и, смешиваясь с грязью,
мы перекатываемся, пачкая друг друга в дрожании ночи...
Вернувшись, ты на веревке тащишь меня на бойню.
Из последних сил bleю, крича тебе,
что не овечка я, а – женщина.
Но ты не понимаешь мой язык.
Одним движеньем ловко вонзаешь в тело нож,
и мой белоснежный мех окрашивается в кроваво-красный.
Ты вытираешь руки
и украдкой снова бросаешь взгляд на меня.
Вместо спасенной тобой овечки
там истекающая кровью выпотрошенная женщина.

High heels

Когда подломится высокий каблук –
лишь тогда о тебе вспоминала.
И чёрно-белые слайды – меж памятью и очевидностью –
перед глазами мелькали,
в ускоренном темпе сменяя друг друга.
Знаешь ведь, ритм – моя тёмная, гибельная стихия.
Когда я бежала – подломленные каблуки
источали запах спермы.
Аксессуар одиночества, как торчащий между глаз нос, –
красный цвет, появившийся на теле.
Знаю, исправишь, красный есть цвет вечной страсти.
Спорить не стану, поскольку она – одиночеству ровня.
Как же хотела я всех каблуков – переломанных шпильек –
части собрать и сложить себе в сумочку
вместо косметики – и у тебя появиться...
Меня бы ты принял без красной помады?

Помнишь ли нашего детства поблекшее фото?
Там, беззаботны, стоим мы с тобой на старинном балконе
и ни сном ни духом не ведаем,
что уготовим друг другу в грядущем...
Помнишь, на фоне
бесконечного калейдоскопа женщин твоих
решилась я в туфлях на шпильках ходить?
«Легче воздуха поступь твоих каблуков,
будто от камешков, брошенных в водную гладь,
тихие и невесомые, тают круги», –
слова твои так утончённо изящны...
Прошло много времени, прежде чем вырвалось у тебя,
что предпочитаешь моим каблукам шпильки куртизанок...
Знаю, скажешь, что это – мои нескончаемые импровизации
на тему любви, но ведь между двоими
никогда одно и то же не повторится?

Да, знаешь прекрасно, что ритм –
моя тёмная, гибельная стихия,
больше скажу: ритм безмолвия – стремительней прочих.
В пору такую – слушай – спешат и стучат каблуки,
в пору такую они и ломаются больше всего,
их острия утыкаются в точки смертельного риска,
только тогда образ твой оживает во мне.

Холодный душ

Разобралась. Не только играешь роли – импровизируешь: ты разный любовник, муж, поэт... То же самое можно сказать про твоё угловатое лицо.

Что мне ответить моей любви,двигающейся стрелой в одном направлении? Едва она к тебе приближалась, ты давал знать о существовании стеклянной стены, да, стеклянной, не бетонной, и оставлял право лишь видеть сквозь... Подобно стреле, я двигалась вперед и у стеклянной стены решила изучать твоё угловатое лицо.

Вначале о разных *любовниках* написала: в этой роли ты интересовал меня больше всего. В процессе письма постепенно вырисовывалось, когда максимально совпадают твои чувства с твоими прикосновениями, как твоё тело движется на волнах другого, почему превращается твоя гибкая золотая рыба с длинными плавниками в акулу с острыми зубами, или в камбалу, или вновь – в парящую золотую рыбу... Взглядом постоянно измеряла расстояние между стеклянной стеной и тобой, оно изменялось в зависимости от того, какую роль ты импровизировал в данный момент...

Потом про разных *мужей* написала – мир за запертой дверью супружества, где любой третий играет роль замка...

В конце рассказа дошла до самой легкой и трудной задачи: роль *поэта* отражала каждую, о которых уже написала, и превосходила все остальные. Расстояние между стеклянной стеной и тобой вновь менялось, неизменной была лишь дистанция между мной и стеной.

Завершив писать, листки без слов всучила тебе. Ты тотчас же начал читать, рука двигалась быстро, ритмично. Когда закончилась последняя страница, мужчина, стоявший предо мной, разбросал все роли, как эти листы, и стрелой выбил стеклянную стену... Но расстояние между мной и стеной вновь осталось неизменным... Только чувствовала, как распадалась любовь на импровизированные капли, которые холодным душем падали на мое тело, отскакивали и разлетались в разные стороны...

Ломаная

Немые женщина и мужчина яростно разговаривают:

«Ты никогда не мог прочертить прямую линию там, где заканчивалось «наш» и начиналось «мой», потому линия, проведенная дрожащей рукой, стала ломаной, словно кардиограмма – при аритмии...»

Яростный спор немой пары достиг пика – пальцы превратились в восклицательные знаки.

Вот такой безмолвный кадр – ломаная на листе бумаги.

Букет для расставания

Цветок зависти
чем более улыбчивый, тем более глубокий.

Синий бархат лицемерия –
ирисы сверкают ночью.

Порою бледный, порою – яркий
цветок ревности – лепестки мака
и чёрное сердце внутри.

Изменниц-орхидей извилистый пестик,
изысканное разноцветье
с плотными широкими листьями непростения.

Гордыня в этом букете – роза,
со множеством оттенков.

И цветы одиночества здесь можно найти,
их листочки-недотроги дрожат
от прикосновения пальцев.

Вокруг стебля воспоминаний
Тонкие колокольчики лихо пляшут.

Цветы тоски проглядывают из букета
с засохшими верхушками, как сорняки...

И мерцающая точка, вокруг которой
мы вращались, словно крохотные планеты,
однажды превратилась
в огромный, как солнце, букет расставания.

Любовь

Именно там, где нить рутины – вшитая в ткань кожи – распадается, и близится к концу любовь, мы фокусируемся на наготе друг друга; глаза, как лупы, начинают *умеренно* всматриваться в расщелины морщин: одни – полны мусора, другие – слов, из которых мы никогда не составим предложение

Именно там, где гладкий овал любви искривляется в острый оскал, и звезды, словно тысяча мелочей, складываются в небесный рюкзак, мы отправляемся в *неумеренное* путешествие в чужом краю; если отклониться от пути, как это свойственно ломаной линии, звезды нас призывают держаться земли и, в случае трудностей, забрасывать за спину по мелочи

Именно там, где между нами густеет воздух, как выхлопные газы дряхлой машины, мы легко скидываем с плеч тяжелые пальто и врастаем в эластичные спортивные костюмы, на велосипедах мчимся по *неумеренной* дорожке; каждый оборот педалей приближает нас к дому, дверь которого мы откроем в дремучем лесу тела

Именно там, где не осталось ничего, что надо вызубрить друг в друге, и бродят, как прежде, по старым классам мертвой школы учителя, – спиной друг к другу, мы продолжаем *неумеренное* движение до той поры, пока конец не доберется до начала и перетянутые на наших спинах пружины позвоночников, одна с другою перетершись, не разобьются

Фото 20 лет спустя

На фото только двое:
отец и дочь.
Ищу тебя на фото.
(Неужели это ты?)
В объективе моих глаз – двух луп –
ломаются линии и контуры
когда-то дорогого мне лица...
Эти ломаные линии оседают
во влажных расщелинах мозга,
где в ультрафиолетовом свете
заново проявляются старые негативы.
Наконец линии
размещаются на лице твоей дочери.
Почти теряюсь –
если б не она, не узнала бы тебя.
Твоя дочь нежно прикасается ко мне,
и под нашу любимую, 20-летней давности, мелодию,
танцует вместе со мной медленное танго...

Пыль

Нет ничего прекраснее
обнажённых тел
старика и старухи,
сплетённых в объятиях.

В детстве влюбилась в мальчика.
Играли в футбол во дворе,
и он забил победный гол.
Я рванула на поле и поцеловала его в щёку.
Он просиял улыбкой—
двух верхних зубов не хватало...

В последний свой школьный год
я влюбилась в юношу.
Спустя годы мы случайно встретились.
Он даже имени не вспомнил.
И я ему не открылась.
Высох подаренный мне цветок
меж книжных страниц.

Лежу рядом с мужем на горячем песке,
где мы пальцами очертили круг
и сказали: «Никто сюда не войдёт.
Это наш остров выше уровня бурного моря».

Радость с тобою делю каждый день,
показывая какашки нашего малыша в горшке.
«На всём, что не умирает – оттиск любви», –
думаю я, выливая горшок.

«Не хочу новую игрушку, бабушка,
лучше придём к тебе», –
сообщает мне по телефону внучка.
Придирчиво разглядываю в зеркале
волосы, выкрашенные вчера.
Принимаюсь за выпечку.
Сладкий аромат притягивает мужа.
Разлетелись птицы воспоминаний.

«Твоё тело так же прекрасно,
как тогда, во время беременности», –
муж ласкает мою дряблую кожу.
Провожу пальцем по морщинкам,
струнами испещрившим его лоб,
и постепенно рука моя тянется вниз...

Выравниваю землю на могиле супруга
и вспоминаю старую фотографию –
какашки нашего малыша в горшке –
с которой вчера вечером
стёрла пыль...

Парикмахер Рита

Глаза закрывала,
когда рука Риты мягко плавала в моих волосах.
Удивляла её длинная коса,
парикмахеры редко носят такие.
Та, кто стригла чужие волосы всю жизнь,
свои отрицала и заплетала.

В парикмахерской вечно стоял специфический запах.
Бросалась в глаза пестрота ожидающих Риту.
Хотя людей разных возрастов и интересов
несомненно, объединяло одно:
что-нибудь изменить, пусть и прическу.

После внезапной смерти Риты
не могу заходить в ту парикмахерскую,
не хочу видеть другую у того зеркала,
подумаю, она снова там,
с длинной косой и ножницами в руке –
наверное, так я бы нарисовала богиню жизни,
стригущую время, воплощённое в волосах.

Сад женщины

Каждый день эта женщина выходит на прогулку в сад. Одета неброско, как и все, в платье на каждый день, но, если внимательно присмотреться, разглядишь у неё на шее и на кистях рук малюсеньких ракушек. Эта женщина каждый день бродит по саду в компании дворняжки с умными и чуткими глазами.

На первый взгляд обычная картина: женщина с собакой прогуливаются по саду, но если хорошенько приглядеться, впору улыбнуться и задаться вопросом: женщина выгуливает собаку, или наоборот – собака вывела женщину на прогулку?

Женщина останавливается между склонёнными друг к другу двумя осинами и с восхищённой улыбкой оглядывает их мощные ветви. Есть что-то неистребимо детское в этой тронутой сединой женщине. Собака послушно следует за ней, когда она лёгкой походкой ступает по любимой аллее, и так же послушно останавливается, когда женщина вглядывается в деревья или тонкими пальцами бережно подхватывает с мощёной дорожки божью коровку и о чём-то нащёптывает ей.

Дворняжка ведёт себя как здравомыслящий хозяин; достаточно кому-нибудь чуточку повисить голос на подопечную, чтобы собака осерчала, и шерсть её угрожающе вздыбилась. Ближе к ночи, когда сад пустеет, женщина воздевает руки и пускается в танец вокруг фонтана. Странной прелестью пронизан этот танец, и женщина вся растворяется в ритуальном блаженстве. А собака сидит неподалёку на задних лапах и проницательно вглядывается в неё, но нет в собачьем взгляде и тени удивления – наверное, картина знакома.

Собака вспоминает, как девочка-крошка подарила женщине букетик фиалок, и как, подражая ей, кучерявый мальчонка, с улыбкой протянул женщине свою любимую игрушку.

А ведь, всё должно было быть по-иному – это взрослым положено одаривать малышей цветами и игрушками, но для собаки это не имело значения, она помнила, что подарки были такими же искренними, как этот танец, который сейчас дарит женщина ночному саду.

Цикл

Старушка с распущенными волосами,
с тонкими худыми руками,
в белом прозрачном платье, будто из папиросной бумаги,
сквозь которую виднеются увядшие груди,
босая.

Падает. Поднимается. Снова падает.

Снова поднимается... Снова...

Эта женщина бездетная. Безмужняя. Одинокая.

Она время от времени посещает меня,
влезает скрюченными пальцами в моё нутро
и вытягивает, вытягивает нервы, как резину.

Потом впивается в меня глазами
и после паузы
раздвигает пальцы.

Крошится кадр.

Я, выпавшая из тенёт времени,
обрушиваюсь в повседневность,
и, как стоп-кадры, помню те мгновения,
где тишина лежала, свернувшись змейёй.
Но вот зашумел, зашевелился кадр, и я,
плюхнувшись в повседневность,
вновь протрезвилась.

*

Разменяй мою любовь –
одну большую золотую монету.
Тяжёлая.
Не смогу носить ни на груди, ни на плечах.
После размена разложу
всё по разным карманам для равновесия.
Кроме того, ты знаешь, я благоразумна –
буду тратить по необходимости.
И если останется лишь одна монетка,
подумаю, что ты рядом,
на расстоянии вытянутой руки...

Пинг-понг
(моему малышу)

Упорядоченную тишину предметов
нарушает стук шарика для пинг-понга.
Маленький белый пинг-понговый шарик
прыгает между тобой и мной.
Когда спишь, у пинг-понгового шарика
вырастают крылья,
просыпаешься – из глаз катятся белые понги...
Невесомый пинг-понговый шарик
в твоей протянутой маленькой ручке
всех предметов больше и тяжелее.

Купание

Колышется вода в голубой ванночке,
играет с ней ручка моего малыша.
Я глажу его крохотное голенькое тельце,
мылю спинку и думаю, как легко его утопить,
Лишь лёгкое движение руки –
и бульканье воды утихомирится,
наступит полная тишина,
наверное, и темнота.
Как легко...
Издали вижу – он тянет со смехом ручку
к моим впившимся в воду зрачкам,
словно к новой игрушке.
Быстро выхватываю из воды малютку,
с его пушистого полотенца
осыпаются лепестки душистых роз...
Меня в этой жизни не раз выручало мгновение.

Маятник

Мать гуляет с ребёнком на детской площадке,
ребёнок весело вскрикивает на качелях,
мать кидает брезгливый взгляд на пьяницу,
сидящего на площадке с бутылкой в руках.
Утро, и быстрым шагом пересекают площадку граждане.
Без часов, пьяный видит только ребёнка и улыбается.
Мать смотрит на пьяницу, чей взор
перенаправляет её взор к качелям,
где качается ребёнок, который тоже смотрит на мать.
Ребёнок уже не качается с радостью.
Качели теряют ритм и в конце концов останавливаются,
как маятник настенных часов.
Утро, и быстрым шагом пересекают площадку граждане
с точно идущими часами.

Дерево

– Не ветки, не ствол,
не корни – косички Земли,
не спелые яблоки, затерявшиеся между листьями,
которые столь успешно лгут,
что дерево познается по плодам,
хотя замечала: чем менее оно плодовито,
тем многозначительней
ломаная его веток;
не шепот шелестящей безмятежности,
не устремленность вверх
(чем превосходит всех, по Земле ходивших);
не ветер, который оно пробуждает,
не тени веток на небе –
разряды молний ночью;
не надписи – как китайские иероглифы,
тончайше прописанные на грубой коре...
(не нуждающиеся в сплетнях истории
и цифровой памяти) ...

Но душа Земли – дерево, –
выдохнувшаяся из корней-косичек,
рассказывает настоящую историю Земли...
Стоят деревья, словно высокие столпы дыма,
и не горят,
мы же привидениями бродим между ними,
и прячем свои души
словно неухоженные ногти.

Пена

Нерушимая реальность ванной –
части голого тела в прорезях пены.
Нерушимая реальность выставочного зала –
мраморная статуя пены под названием «Жизнь».
Что такое пена?
В глубине горы подсознания белый тоннель,
уносящий сакральную грязь?
Что бы мы ни говорили,
пена бесконечно импровизирует,
как соединяются во времени и пространстве
тысячи воздушных пузырьков разного размера.

Гигантский чёрный паук цепляет Землю,
его щупальца тайно проникают
в тёплые земляные вены...
Где-то в космосе подвешена паутина-сеть.
С рассвета, когда открываю глаза,
до наступления ночи наблюдаю –
путь длящегося дня, опутанный паутиной,
путь появления куколки из гусеницы,
день превращения в бабочку,
что плавно перелетает с Земли в космос
и машет мне издалека...
Морщинка тянется как царапина.
Складывается веко ночи.
Я становлюсь водным растением.
Мой стебель фосфоресцирует и
движется в глубину течения вод.
Ночью размножаюсь.
Как локальный паук, плету свою сеть
и ощущаю невидимыми лапками
что она, подвешенная где-то в космосе,
трепещет, когда приближаются планеты,
словно кто-то на неё дышит.

*

От обворожительных улыбок политиков
розы проливают слёзы.
Вместо мускулов накачанного «бодигарда»
в их распоряжении воздушные ароматы.
Они ходят на цыпочках, так легко, едва колыхаясь...
Будто танцуют.
Они раздают разноцветные букеты прохожим
и часто думают о старых пенсионерах,
они нам вещают о мире и о беззащитных детях
(которых бросили жестокие матери),
и время от времени изящным жестом
смахивают блеснувшую слезу.
А выходные они проводят на природе,
бегая с сачками
за ярkokрылыми бабочками.
И потом, разогнав кровь в жилах,
чистым воздухом надышавшись впрок,
возвращаются, и на подступах к городу
от их обворожительных улыбок
розы вновь проливают слёзы...

Second-hand Generation

Это пространство огромно, но мы узнаём друг друга,
поскольку ходим в обносках.
Мы, second-hand жены, мужа, любовники, фб-френды –
одна большая семья, и ничуть не брезгуем
донашивать одежду друг за другом.

Разменяй, как положено, чувства между
second-hand любовью и ненавистью,
нанизанные на нас, словно бусины.
Дам тебе надежду, большую, как золотая монета,
а ты брось грошовые радости.

Чем хуже наше second-hand искусство
ваших элитарных гуру?!
Мы находим в навозе жемчужины,
эй, пропахшие «Шанелью» буржуи!

Мы каждую ночь возвращаемся туда,
куда ваша нога, святейший католикос, и не ступала!
Президент, голубчик,
заходи в наш second-hand shop,
sale у нас, ей-богу, не обидим.

Люди добрые, желаете вдохнуть, как опиум,
едкий second-hand дымок жизни? –
Шагните в наши подвалы,
здесь не найдете дорогостоящего времени
или сверкающих декораций.
Здесь все поношено и заряжено энергией трения...

Second-hand generation –
мы одна большая семья,
и ничуть не брезгуем донашивать одежду друг за другом.
Приходи, покупай у нас по дешевке...

Мусор

Я была здесь вчера.
И позавчера.
Точно так же навалила машина
очередную гору мусора.
Точно такой же запах стоял –
горьковатого гниения.
Всё равно вернулась сюда,
всё равно следы привели.
Что бы это могло значить? –
в который раз спрашиваю себя, –
искать среди мусора?
На глухой окраине города
искать в куче мусора?
Но можно сменить угол зрения,
взглянуть на это сверху,
откуда мусор покажется артистично пестрым,
ни запах не побеспокоит,
ни чувство скопившейся безысходности,
так как не только мусор,
но и люди сверху выглядят
словно точки.

Содержание

У этой книги вместо предисловия мог бы быть маленький загородный дом, где в саду, за кустами проводит дни заброшенный с соседнего участка футбольный мяч	5
<i>Сергей Тимофеев</i>	
Мужчина с этикетки шампуня	8
<i>Авторизованный перевод с грузинского Андрея Сен-Сенькова</i>	
Шрифт	9
Рана	10
Фотобумаги	11
Перевод	12
Мужчина с этикетки шампуня	14
Замочек	16
Заговор	17
Правила движения	18
Ультра-поэтические звуки	19
Радио	20
Тени ангелов	21
На грани	22
Лифчики	23
Менструация	24
Магнит	25
Перевёрнутый фейерверк	26
Воздушный змей	27
Картонные коробки	28
Полина	29
Коллекция	30
Вариации на тему	31
Спрятанные букеты	32
Тостер	33
Салат	34
<i>Твоя мутная душа</i>	35
Прогноз погоды	36
Грустные песенки	37
Зимняя вишня	41

Сад женщины	42
<i>Авторизованный перевод с грузинского Инны Кулишовой</i>	
Светофоры и люди	43
Аэропорт	45
Война	46
Снайпер	47
Убийца	48
Овечка	49
High hseels	50
Холодный душ	51
Ломаная	53
Букет для расставания	54
Любовь	55
Фото 20 лет спустя	56
Пыль	57
Парикмахер Рита	59
Сад женщины	60
Цикл	61
<i>Разменяй мою любовь</i>	62
Пинг-понг	63
Купание	64
Маятник	65
Дерево	66
Пена	67
www	68
<i>От оборотительных улыбок политиков</i>	69
Second-hand Generation	70
Мусор	71

ББК 84-5
УДК 82-1
Г 49

Г 49 ГИОРГАДЗЕ Нене

Нецифровая память снега: стихи. /
Перевод с грузинского А. Сен-Сенькова, И. Кулишовой /
Предисловие Сергея Тимофеева –
Самара: Цирк Олимп+TV, 2019 – 74 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено:

Нене Гиоргадзе (автор, составление)
Андрей Сен-Сеньков, Инна Кулишова (перевод)
Сергей Тимофеев (предисловие)
Дарья Суховой (редактура)
Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

ISBN 978-5-6043364-4-1

Подписано в печать 14.10.2019
Формат 60х90/16. Объём 2,5 печ. л.
Гарнитура Minion. Бумага мелованная
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»
443070 Самара, ул. Песчаная, 1
тел. (846) 267 36 83, e-mail: izdatkniga@yandex.ru